

Настоящий убийца всегда многолик.
Но рано или поздно он себя выдаст...

Я ТЕБЯ НЕ ЗНАЮ

ИВАН КОВАЛЕНКО

Метод молчаливого допроса. Детектив

Иван Коваленко

Я тебя не знаю

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Коваленко И. Ю.

Я тебя не знаю / И. Ю. Коваленко — «Эксмо», 2023 — (Метод молчаливого допроса. Детектив)

ISBN 978-5-04-192735-6

Настоящий убийца всегда многолик. Но рано или поздно он себя выдаст... Детектив о следователе с необычной практикой «молчаливого допроса». Он не задает подозреваемому вопросов, а только внимательно прислушивается к его внутреннему состоянию. Виновный обязательно себя выдаст. В Москве при загадочных обстоятельствах умирает молодой художник Давид. Полиция уверена, что это самоубийство вследствие передозировки снотворного. Однако, у сыщика Тимофея Лотоцкого другое мнение. Он пытается установить причастность к случившемуся подруги художника, Алисы. Девушка ведет себя очень странно: сама себе пишет письма, подробно анализирует их отношения с Давидом, что при жизни доводило художника до депрессии. К тому же, она слишком спокойно и даже весело восприняла известие о его смерти. Используя необычную систему допросов, когда он не задает подозреваемому ни одного вопроса, а только молча «сканирует» его внутреннее состояние, Тимофей начинает работать с Алисой. И впервые за свою практику ничего «не слышит» в ответ, словно обращается не к тому человеку... Кинематографичный сюжет, в котором в конце все переворачивается с ног на голову. Полное ощущение тревожной атмосферы нераскрытого преступления: таинственные силуэты ночного города, неожиданные телефонные звонки, гулкая тишина пустой допросной...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192735-6

© Коваленко И. Ю., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	9
I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Иван Коваленко

Я тебя не знаю

© Коваленко И.Ю., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

**Я ТЕБЯ
НЕ ЗНАЮ**

ИВАН КОВАЛЕНКО

Я ТЕБЯ НЕ ЗНАЮ

Москва
2023

Пролог

События, о которых вы прочитаете дальше, произошли на самом деле. Или же нет – решать вам.

Но сначала расскажу о фотографии. На ней женщина оглядывается и смотрит в объектив камеры. Снимок сделан возле станции метро «Цветной бульвар» в Москве. И после того как был сделан снимок, мы почти сразу же познакомились.

Анисия! Любой будет очарован ее именем. И я был очарован: и именем, и взглядом, и тем, как она держалась со мной – мужчиной, который появился из ниоткуда и щелчком затвора фотоаппарата сотворил ее еще раз в черно-белом цвете.

В тот весенний день произошло необыкновенное – ее и мои ангелы-хранители подружись. А после возникли истории. Их автором была она же, моя жена Анисия. Голубые глаза, мягкий голос и губы, на которые я смотрю и смотрю. Люди из этих рассказов, как оказалось, живые персонажи. Почти всех я видел воочию. Кто они?.. Следователь, который должен раскрыть убийство. Пожилой человек, оставляющий свою жену по ночам. Девушка, красивая и загадочная, – может быть, она и есть убийца? Персонажи настолько странные, что собрать их воедино на страницах этой книжки оказалось непросто...

I

«Велика слава твоя, Израиль!

Велика правда твоя, и радость моя – в тебе.

Моря твои питают почву, земли укрощают строптивых.

Дух укрепляет сынов твоих. И истина воссияет вне времени.

С днем рождения, Тимофей Александрович!

Удачи на работе! И устрой наконец свою личную жизнь!»

«Милое поздравление от коллеги», – подумал Тимофей и улыбнулся.

Сегодня, выходит, день сюрпризов. Еще рано утром, едва проснувшись, он столкнулся с необычным ощущением. Возможно, дело именно в нем, числе 40. Для мужчины и полицейского – самый расцвет. Меньше всего Тимофей любил оценивать жизнь с точки зрения рубежей и границ, правил и условностей, но сегодня, раздвинув шторы, посмотрев в окно и заварив утренний кофе, он эту потребность ощутил. В зеркале было то же самое лицо. Одежда все та же: рубашка и клетчатый пиджак с «заплатами» на локтях. Те же самые часы на руке. И за спиной – небольшая квартира, где, кроме него, никто не появляется. Но сегодня день его рождения, и если ему суждено дожить до восьмидесяти лет, то сорок лет – середина пути. А если судьба приготовила жизнь покороче, то эта вершина давно пройдена и тогда есть о чем задуматься.

И тут еще открытка от Варвары на рабочем столе с ее любимыми аллюзиями на Библию.

Его зовут Тимофей, а однажды она сравнила его с Израилем: «Такой же мудрый, как эта страна, и такой же безмолвный, как ее великие подвижники».

Молчаливый сыщик.

Так называли Тимофея Александровича все: друзья, коллеги-полицейские – и преступники.

Именно о преступниках – людях, появлявшихся перед его глазами каждый день, – он думал чаще всего. И чем старше становился, тем навязчивее были такие мысли. Будто разум играл с ним в игру, которую можно назвать «пойми жизнь», а можно – «смирись с тем, что не поймешь ее никогда».

Если собрать всех убийц и воров, существовавших со времен Адама, то сколько хлебов понадобится, чтобы накормить их – Каина и прочих?

Если соединить их мысли воедино, то что появится при этом – черная дыра или океан?

И их судьбы... Сколько в них от предначертанного, а сколько от человеческой слабости (которая на деле оказывается великой силой, потому что нельзя, будучи слабым, убить человека)?

День рождения – необычный день. Судьба приготовила ему и самый необычный допрос. Его допросы всегда были особенными. И это была главная странность Тимофея Александровича: он мог сидеть с подозреваемым очень долго, и за это время оба не произносили ни звука.

Краем глаза он следил за задержанным, который с каждой минутой чувствовал себя все более неловко. Все они ждут вопросов, агрессии и четко определенных ролей. А сталкиваются с удивительной реальностью – молчанием, к которому нельзя приспособиться, не став при этом самим собой, преступником или же невиновным. Поэтому почти всегда после двадцати или тридцати минут тишины, еще не задав первого вопроса, Тимофей знал для себя практически все, что хотел знать. И тогда сообщал коллегам: «Вы правы, это он (или она)». Или же: «Уверен, что нет».

Тимофей – молчальник. Человек без слов. Ищущий правду там, где пролегает граница видимого и невидимого.

По большому счету все, что делает Тимофей, помогает коллегам. Зная, что тот никогда не ошибется, они передают ему задержанных в сложных и неопределенных ситуациях, чтобы знать, где можно надавить и сыграть с обвиняемым ва-банк, а где оставить человека в покое и не тратить на него силы. С некоторых пор ни одной ошибки – поразительно!

Но сначала перед ним находится щуплый человек с редкими волосами. Все в нем говорит о плохо скрываемом нетерпении. «Что, начинать-то будем?» – спрашивает он наконец у Тимофея.

Все, считай, что половина дела, если не больше, уже сделана. Виновный в девяноста процентах случаев не заговаривает сам, поскольку только и мечтает о том, чтобы отсрочить допрос – полный лжи и оправданий. А если и заговаривает, то из-за чувства вины. Но в таком случае не бывает суесть. А торопливость этого человека говорит о нетерпении – желании поскорее разобраться с происходящим, чтобы пойти и жить дальше.

По его тональности можно сказать, что грешков за ним хватает. Не ангел он, конечно, а может быть, даже и олицетворение зла, но не в данном конкретном деле. По большому счету его уже можно отпускать. Он заговорил на пятнадцатой минуте. Именно та точка отсчета, когда сдаются невинные.

«По мне, он чист, – говорит Тимофей своему коллеге. – Сверь его по другим преступлениям, возможно, там что-то будет, но в данном случае он невинная птица».

Молчание может быть разным. Вязким (и чаще бывает именно таким) или прозрачным. А иногда тусклым, и так тоже часто бывает. Человек со своей поврежденной природой не умеет жить одним моментом, он перескакивает во всем с одного на другое или, что еще хуже, безвольно плывет по течению, и тогда его молчание становится особенно невыносимым.

Минута-другая, человек все еще ждет, что начнется какой-то разговор. Возможно, он собирается с мыслями или пытается что-то заранее сформулировать. К Тимофею не попадают «смирившиеся». Невозможно до конца смириться, пока не знаешь свою судьбу. Смириться, конечно, возможно, – где-то в монастыре, в келье старца, – но не здесь, на острие добра и зла. К тому же совсем безвинные к нему не попадают. В крайнем случае будет, как в последний раз, когда по данному обвинению человек был чист, но в итоге у него обнаружили связи, которые привели к другим преступникам. Получается, что Тимофей неожиданно помог раскрыть одно из зависших дел. И за это его все ценили.

Десять минут. Предел, после которого все чувства обостряются – и в нем самом, и в человеке напротив. Но оба молчат. С этого момента погруженность Тимофея в бумаги – лишь видимость и отработанная механика. Листки всегда перед ним одни и те же и вообще не имеют никакого отношения к криминалистике. А сам он становится «ощущением», и тело его перестает быть телом.

У виновного человека есть своя «тональность». У каждого со своими особенностями, но всех их что-то объединяет. Тимофей даже не пытался подобрать этому «что-то» подходящее слово. Поэтому никто из коллег давно не просил у Тимофея доказательств. Для них он был хорошим помощником, который «оптимизировал» силы отдела. «Если бы не Тимофей!» – говорили они.

Иногда (например, между пятнадцатой и семнадцатой минутами) Тимофей мог ненадолго поднять глаза и посмотреть на человека, сидевшего напротив, который изнывал. Его взор при этом был как бы рассредоточенным – чтобы не столкнуться со взглядом задержанного. Но мозг считывал все детали, которые могли сказать о ситуации больше, чем слова: пульсирующая жилка на шее, замершие (или нет) пальцы рук, вся поза в целом.

Искусством являлось и то, чтобы как можно быстрее вернуться обратно – в кокон ощущения. Зрительные образы, если их будет слишком много, перебыют собой все чувства, поскольку

в этих зрительных образах, как и во всем видимом, слишком много конкретики, а ее даже не шелухой следовало бы назвать, а глухой глиняной стеной. Ее кто-то построил, она прочная, но ни домом, ни его жителями она не является.

В конце концов эти люди заговаривают. И их голоса – надтреснутые, дрожащие или нарочито уверенные – свидетельствуют против них. Но чаще всего ничего от «образа» к двадцатой минуте не остается.

Самое важное при этом – поддерживать человека напротив в тонусе, не позволить ему впасть в полусонную апатию. Поначалу такое случалось несколько раз, и тогда Тимофей пожимал плечами и говорил: ничего не получилось. Но позже он научился контролировать «область тишины» и ее настроение – в том самом нужном напряжении, которое будет длиться ровно столько, сколько нужно.

«Как у тебя это получается?» – спрашивали коллеги восхищенно.

«Я не знаю», – отвечал он.

«Ох и неисповедимы же пути Тимофея!» – шутили ему вслед по-доброму, потому что для полицейского участка он давно стал своим ангелом-хранителем: никому не понятен, по сути своей невидим, но с ним хорошо и спокойно.

И вот сейчас – подозреваемая. Или убийца. Во взгляде этой молодой женщины он увидел пустоту, а именно в глаза он смотрел в первую очередь. Потом обращал внимание на движения. И только затем принимался за свой главный инструмент дознания – наблюдать за молчанием.

Она держала руки на коленях, а он листал лежавшие перед ним бумаги.

Ей уже задавали вопросы, и она на них отвечала. Теперь его очередь спрашивать.

(«Тимофей, это девушка погибшего художника. Алиса Григоренко, – сказали ему. – Возможно, было самоубийство. Наглotalся таблеток. Мы должны удостовериться».)

«Хорошо», – ответил он.)

Пустота ее глаз – и его любовь к беззвучию.

Однако ее молчание не имело тональности. Она ни разу не шевельнулась за тридцать минут и ровно дышала. И вокруг нее не происходило никаких вибраций. Ничего такого, за что можно было бы зацепиться.

Поэтому, когда он снова поднял на нее глаза, то впервые за долгое время ощутил себя водителем, у которого на смартфоне из-за севшей аккумуляторной батарейки перестал работать навигатор, а перед глазами десяток развилок и эстакад. Одна ведет на север, другая на юг, а третья вообще уходит под землю и петляет там неизвестно сколько.

Тимофей и Варвара сидят в небольшом кафе. Она не только написала ему открытку, но и пригласила вечером выпить кофе.

Молодая женщина. В ее работе тимофейских хитростей нет, все по общепринятой методике: факты, психологический портрет и так далее. Но она больше копается в виртуальном пространстве – яме, куда свалено все что ни попадя. Человек постепенно переселяется именно туда, в цифровой мир, и у таких, как Варвара, оказывается все больше работы.

Они из одного отделения и иногда помогают друг другу в делах. Тимофей и Варвара сотрудники полиции.

Варвара занимается делами, которые они сами называют «коротышки» – то, что легко раскрываемо, особенно с помощью всех новых технологий, которые позволяют отследить любое лицо в черте города и понять все его действия. О любом человеке можно узнать все, и такое время не когда-то наступит, а уже наступило. С развитием искусственного интеллекта дело пойдет еще быстрее. Варвара про это знает лучше всех.

Основное занятие для нее – исследовать в соцсетях аккаунты подозреваемых. Тут кроется главная загадка – как она, ненавидящая все лицемерное, находит силы на просторы Интер-

нета? Там она сталкивается с такими сторонами людей, о которых он сам, Тимофей, мог бы только и сказать «нда» и выразительно пожать плечами.

Никаких ограничений по сбору информации у них нет, поскольку полиция имеет уникальные доступы, которые позволяют видеть даже удаленные посты. Или, правильнее сказать, Варвара имеет, поскольку сотрудничество с IT-корпорациями и несколькими очень сильными специалистами неофициальное. Варвара-невидимка – не только для своего мужа, но и для всех остальных. А ее любопытство и мастерство находить связи между неочевидными фактами помогли раскрыть не один десяток дел.

Она, как и Тимофей, всегда была чем-то вроде диковинки для коллег. Оба забавные, загадочные и, кажется, в личной жизни абсолютно несчастные.

– Как думаешь, мы с тобой несчастные? – спросил он ее однажды. И сам себе показался поэтом девятнадцатого века: смотрит на свою жизнь, задает вопросы, но больше – упивается всем, что в его жизни рождает дисгармонию.

Варвара взглянула на него, немного помолчала, глаза как будто потускнели, но губы произнесли:

– Тимофей, мы с тобой самые счастливые люди на свете.

Она рассмеялась и пошла к своему автомобилю – чтобы вернуться домой после ночной смены.

– Иногда кажется, что никакого дома у меня нет, – делится своими мыслями Варвара. – И мужа у меня нет, так тоже мне иногда кажется. Он мне сегодня сказал: «В твоей жизни есть все, но только не я». По-своему он прав, сейчас я сижу с тобой, а потом пойду не к нему, а в отделение полиции. Но он и ошибается: *«всего»* в моей жизни нет.

– Когда вы прекратите избегать друг друга? – спросил Тимофей.

Варвара горько усмехнулась, и это могло означать что угодно – в том числе и «никогда».

А свадьбу их отмечали всем участком: Варвара-краса наконец-то нашла избранника. Хотя на самом деле все было иначе, и это жених нашел ее. Хотя однажды признался, что сотрудников полиции никогда не любил. Но ее полюбил и пообещал, что будет с ней и в радости, и в скорбях, и для нее старался измениться к лучшему.

Но что делать с одиночеством? И как вести себя, когда оно становится привычкой?

Такие вопросы он задавал Варваре, когда она пропадала на несколько ночей подряд, а если и возвращалась, то под утро и усталая настолько, что ни об объятиях, ни еще о чем-то не могло быть и речи. Она была спящим человеком, а спящих лучше не будить.

– Ну а ты, – спросила Варвара, – молчал сегодня?

– Да, но, представляешь, это ни к чему не привело.

– Он оказался насквозь лжецом?

– Она. И то, что она лжет, я знаю. Но это знание ни о чем. Я ничего не почувствовал.

– Тогда откуда ты знаешь?

– Ну ты же знаешь, что твой муж ни в чем не виноват?

Варвара не сразу, но кивнула.

– Вот и я знаю.

– Но она не твоя жена.

– Она из тех людей, что даются свыше, даже если встречаешься с ними вот так, после преступления: ты – следователь, а она – якобы несчастная вдова. Ее и вдовой-то не назвать. Так, подруга.

Вскоре они расстались. Варвара пошла работать, он – тоже.

Иногда дни бывают долгими, иногда короткими. А иногда тянутся бесконечно, и ничто их не остановит.

Лицо Алисы Григоренко перед его лицом в переносном смысле, потому что сидит Тимофей дома в своем кресле. Рядом горит торшер, и обстановка может показаться уютной. Если бы не ее лицо.

Она же не настолько безрассудная, чтобы травить таблетками! Только безумная будет поступать, как она. Но и поймать ее он не может. Ни одной прямой улики, а только вполне закономерные вопросы:

– если она невиновна, то как утром поняла, что он мертв, если лежала с ним в одной постели;

– а если виновна, то почему провернула все именно так: если уж давать ему таблетки, то по полной, а доза, судя по отчету, была «на грани», могла убить, а могла и нет.

– почему никуда не исчезла;

– почему ничего не сделала с запиской?

А записка перед ним: «Среда, 11.00, галерея “Петровка”».

Это не просто мероприятие, а шаг в будущее: наконец-то художник Давид получает приглашение (это уже выяснено) на организацию выставки. Никаких затрат с его стороны, хорошая реклама, хороший процент с продаж (которые обязательно будут).

Зачем убивать себя, когда дела начинают идти в гору?

Однако на допросе Алиса не сломалась. Полчаса тишины с нею ничего не дали. Как будто она сама была беззвучием, при том что чем-чем, а тишиной-то она не была. В ней бушевала буря, с которой он, Тимофей, не смог найти точки соприкосновения. А значит... Значит, что-то тут не так.

Поэтому он надевает пальто, спускается вниз, садится в свою машину, потемневшую от времени (или от городской грязи?), и едет.

Дом Алисы, Живарев переулок.

Там же, где Глухарев переулок, а еще Грохольский переулок, 1-й Коптельский переулок и Астраханский переулок – сплошь переулки. Приятный район неподалеку от Садового кольца.

Александр Иванович. Пенсионер. Живет в городе Москве. Перед тем как выйти на прогулку, он любил сесть на диван и несколько минут провести в молчании.

Его жена говорила: «Ты изображаешь из себя старца». И на такие слова он сердился. «Какой же я старец, – упрекал он ее, – я муж твой». Слово быть хорошим супругом – это что-то приземленное.

У него был любимый серый плащ. Никто уже не помнит, когда тот появился – может быть, двадцать лет назад, а может, больше. Вещь – она и есть вещь, зачем о ней помнить что-то? В этом плаще он ходил и летом, и осенью, и даже ранней весной, когда солнце уже светит, но земля и воздух еще холодные, а ветер пронизывающий.

В кармане плаща обычно помещается среднего размера книга. Иногда блокнот, в котором Александр Иванович ведет беспорядочные записи. Например, о том, куда пропала тишина. Или почему человек боится оставаться надолго один.

Жена любила Александра Ивановича, этого странного и глубоко погруженного в себя человека. «Можно подумать, ты птица, – говорила она, – из тех, что месяцами парят над океаном, спят на лету, и вся жизнь их проходит в пространстве между небом и водой».

Говорила с легким сожалением. И таким осторожным образом в их жизни возникали разногласия: один говорит сам с собой, а человек рядом молчит. Собственно, слова – зачем они нужны, если все идет как идет и вряд ли что-то поменяется?

Поэтому, когда Александр Иванович чувствовал, что жена не может с чем-то смириться, то, надев серый плащ, покидал ее. Чаще всего ближе к ночи, когда все вокруг затихало и сам город говорил: пора спать.

В тот вечер воздух был плотнее обычного. Осенняя влажность. Мельчайшие капли воды блуждали над асфальтом, над травой и между ветками деревьев. Каждая отражала в себе свет фонарей и огни проезжающих машин.

Он подошел к скверу. Увидел на скамейке одинокую девушку, которая курила, и сел с ней рядом. Пожилой интеллигентный мужчина. Молодые люди таких любят.

Все вокруг было похоже на темное покрывало, которым закрыли деревья. А они вдвоем – на персонажей из фильма, где режиссер делает все, чтобы в кадр не попадали яркие цвета.

Она продолжала смотреть куда-то внутрь себя – словно древний созерцатель, который либо уже познал весь мир, либо на подступах к этой истине.

– У вас не будет сигареты? – спросил через пару минут Александр Иванович и развел руками: мол, вот незадача, забыл свои дома.

Девушка протянула ему пачку. Он поблагодарил.

Потом спросил ее имя – и стал сопричастником событий, о которых лучше бы ему не знать.

– Что вам нужно от меня? – спросила наконец она и удивилась своему же голосу – бесцветному и почти неслышному.

Александр Иванович покачал головой: ничего не нужно. Но еще одну сигарету он бы попросил. Если можно, конечно.

Взгляд ее был страшнее голоса. Поэтому Александр Иванович спросил:

– Что у вас случилось?

Вежливое участие.

– Это вам лучше расскажет следователь, – ответила она. – Моего парня нашли мертвым. Какие-то несостыковки, поэтому я под подозрением.

Что же это такое?! Час назад он слушал вопросы жены, а сейчас ответы преступницы.

(Возможно, преступницы, она же под подозрением.)

А он – пенсионер.

А кругом дома, и все дома один на другой не похожи, не то что в спальных районах. Слава богу, они живут не на окраине, где все одним цветом, а в центре города. Садовое кольцо – нечто вроде Ватикана, где ты можешь спокойно выйти вечером на улицу, а на тебя будут смотреть доходные дома XIX и XX веков. Ладно, не Ватикан.

Единственное, что выбивалось из общей картины, – это даже не пара панельных высоток, а огромное здание японского посольства. Гигантская серая коробка, у которой и окон-то нет, а вокруг – высокий бетонный забор с колючей проволокой, словно напоминание: мирный договор между странами еще не заключен. А значит, война. Сейчас они сидели к нему спиной. Спиной к Японии. И ко всему вокруг.

Мимо пробежала собака и скрылась среди деревьев. Несколько голубей ходили вдоль луж, боясь прикоснуться к воде (странно, должны же спать). Редкие автомобили проплывали по переулку. В окнах понемногу гасли огни. А миллионы звезд продолжали скрываться за тучами.

Александр Иванович повернулся к Алисе. «Она либо сейчас встанет и уйдет, либо мы станем товарищами», – подумал он.

– Только не нужно сочувствовать, – сказала девушка. Слова ей давались тяжело, это было заметно. Как будто она не была приучена говорить либо внезапно разучилась.

Александр Иванович вспомнил, как однажды встретил на улице женщину, давным-давно. Тогда он был моложе, и так много вещей казались ему важными! Он заговорил с ней, но женщина ничего не ответила. Потом он понял, что она его не слышит. А ему и в голову не приходило, что глухие от рождения люди могут выглядеть, как и остальные! В память об этой встрече у него осталась записка. «Я ничего не слышу, но все вижу. И вижу, что вы мне не подходите».

– Где вы живете? – спросил он у Алисы.

Кивком Алиса указала на противоположный дом. Значит, почти соседи.

Вечерний асфальт покрыт тончайшим слоем капель, поэтому перестал быть серым. И все вокруг приобрело синий оттенок – с переливами в еще более синий. Красные и оранжевые блики, которые отбрасывают фонари и фары машин. Все походит на тщательно обработанную фотографию, когда какие-то цвета подчеркиваются, а другие убираются – и получается иная реальность.

Тимофей остановил автомобиль неподалеку от сквера. Он хорошо видел Алису и человека рядом с ней. Оба курили и ходили скорее на добрых товарищей.

Ничего-то он о ней не знал. Да и никто не знает. И вообще, зачем он только внушил себе, что в происходящем кроется загадка? Возможно, все яснее ясного. Люди убивают себя. Давид убил себя. Славный парень, у которого что-то пошло не так. А если в каждой вдове искать убийцу, то...

Пришло короткое сообщение от Варвары. Она снова не пошла домой, а осталась в участке. Смогла найти что-то интересное и завтра расскажет.

Ну что ж, хорошо. А ее семейные проблемы его не волнуют.

Рассказы моей жены, Анисии. Книга, которую она таким образом пишет.
(«Я просто хочу, чтобы ты все знал»).

Как люди, глядя на одно и то же, видят вокруг себя разное.

Девушка-архитектор, бредущая по Рождественке с подрамником. В наушниках – музыка. Мечтает о любви...

Монахиня из соседнего монастыря. Ее обступают яркие машины, мишура из витрин и рекламные вывески с полуголыми барышнями...

Молодой человек – из тех, что следит за собой. Все эти вывески с женщинами – для него. Он скользит по ним взглядом. Потом, конечно же, утыкается в смартфон. И теперь уже кажется, что взглядом скользит по нему жизнь...

Сосредоточенная женщина, которая выглядит по-деловому, – и вся она собранная, если не сказать «выверенная». Ее взор, как и у монахини, тоже устремлен куда-то внутрь себя. Но лицо напряжено, и нет на нем выражения покоя...

Или нищий поэт, которому довелось жить в то время, когда поэты никому не нужны. Ходит себе по осенним улицам. Одет неброско. Рисует картины в голове – образы города, так он это называет.

(ВЫБЕРИТЕ ПОНРАВИВШИЙСЯ ОБРАЗ)

Лоскутное одеяло: желтый, красный, черный и зеленый цвета, перемешавшиеся, но при этом четко очерченные и при близком рассмотрении также четко структурированные: на поверхностях домов, машин и витрин. И мелькающие то тут, то там разноцветные точки – чем бы они ни были.

Асфальтовая заплатка: 2560 квадратных километров, гигантское пятно; на солнце-пеке в августе источает мерзкий запах, и каждый прохожий чувствует себя немного асфальто-укладчиком; серый цвет окрашивает нашу повседневность, и та постепенно становится серой; вслед за домами, которые вроде бы расцвечены, но все равно как-то разом (или постепенно) теряют свой цвет и становятся давящим фоном, именно так – беззвучным и давящим, особенно в дождь и особенно осенью.

Вода закованная: лишенная свободы, обретшая себя в новом образе – коричневой или зеленоватой жидкости (цвет не важен, важно полное отсутствие прозрачности); полот-

нище; посмешище океанам, жалость для маленьких областных речушек, но все равно мощная, затаившаяся и ожидающая зимы, когда она вопреки всему вернется в изначальное естественное обличье – белого льда.

Организм: которому нужно пропитание, вечно голодный и подчинивший себе всех, и тем напоминает черную дыру; он, собственно, ею и является, поскольку также уничтожает время и не дает свету вырваться.

И отсюда:

Строгая совершенная система, совершенная настолько, что имитирует собой живую жизнь или обстоятельства; обволакивает и убаюкивает, принуждает двигаться и оставляет без движения; полагающаяся на неумение человека осознавать вещи такими, какие они есть, и на неумение смотреть глубже своего тела; облекшаяся в звуки – поездов (над землей и под), шороха обуви и шин (над землей и под), звука стройки (то есть попыток города сделать себя еще более совершенным организмом). Человеческий ресурс. Идеальная формулировка. Она придает сути города еще больше цельности.

Птицы, смотрящие на нас с высоты птичьего полета.

И если спуститься ниже, то за стеклом кафе можно увидеть – первое свидание.

Он поднимает фотоаппарат. Поворачивает кольцо фокусировки. Картинка внутри видоискателя становится расплывчатой. Красный цвет растекается по влажной от дождя мостовой, тучи скребутся о небо. Несколько черных зонтов перемещаются вдоль серых стен. И появляется еще один зонт – желтый. Он оказывается напротив стекла.

Щелчок.

За стеклом Алиса и ее возлюбленный. Их отношения только зарождаются, а Вселенной уже известно, что продлятся они недолго, пару лет. А потом их мир распадется и соединится в новую картинку, на которой будет изображена она одна.

Щелчок.

Она сидит напротив него. Ее что-то беспокоит, но тут ничего нового – она в принципе беспокойная девица. А Давид выглядит таким безмятежным. Покой привлекает, и к Давиду хочется прикоснуться.

– Я думал, нас ждет незабываемая прогулка под звездами, – произносит Давид, – но идет дождь.

– И в чем проблема? – спрашивает она.

– Да ни в чем, – отвечает он и снова становится весь такой безмятежный.

– Ну так давай сделаем что-то, что не забудется, – говорит Алиса.

Их руки – в сантиметрах друг от друга. Вселенная замерла. Только на улице, через дорогу, какой-то человек поднимает фотоаппарат и делает снимок. А еще прошла женщина с желтым зонтом.

(Порой целые периоды жизни умещаются в одно или несколько мгновений. Так происходит с воспоминаниями, которые вспыхивают, проносятся, как скоростной поезд, но при этом остаются в сердце. И это забавная игра судьбы. А для человека способ преодолеть все законы времени.)

Отсутствие напряжения в нем – вот что было тяжелее всего. Мы всегда себя сравниваем с другими, и в первую очередь с теми, кто ближе всех. Все во мне ужасно, и мы не созданы друг для друга – боже, какая ерунда! Нельзя о чем-то рассуждать, находясь в «моменте», – все решают время и поступки. Проклятое отсутствие напряжения.

Его нет несколько дней, потом он появляется и предлагает (сюрприз!) пойти в зоопарк, да ну, говорит она (то есть я), какой зоопарк, там животные страдают, ты предлагаешь мне посмотреть на несчастных зверушек в клетках, а он отвечает, что все это домыслы,

что еще Джеральд Даррелл писал: вольер для животных – не проблема, это их территория, им важно, чтобы у них была своя территория и было бы чем заняться, поэтому главное, чтобы им было чем заняться, а клетка – это просто условность, которую они даже не воспринимают как тюрьму, это просто их жизнь, они совсем как люди.

В общем-то да, красивый зоопарк, раскинувшийся в центре города на территории нескольких квадратных километров. И действительно, кажется, что для каждой особи сделано все, чтобы ей не было скучно или, по крайней мере, чтобы обстановка отвечала природным задаткам данного подвида.

Козел стоит на вершине искусственной горы и смотрит куда-то вдаль, он замер и сам кажется горой, в течение минуты ни один мускул его не вздрогнет, а Алиса напряженно наблюдает за ним, пытается поймать момент, когда тот все-таки пошевелится, и вот он наконец шевелится – переступает с ноги на ногу и поворачивает голову.

Кого не видно, так это волков, которым тоже отвели «удобную территорию» – некое подобие леса, густо посаженные деревья, вокруг ров с водой; в их убежище тишина, поскольку часть звуков отсеивает плотная металлическая сетка, а еще часть – листва деревьев; волков не видно, они спрятались где-то в чаще, но возле воды лежат обглоданные тушки «наверное, зайцев».

Десятки и сотни белых мышек, которых скармливают грифам, орлам, хищникам, питающимся мелкой падалью, в том числе мелкими животными, целый конвейер белых комков, рожденных и существующих для убоя и непонятно как убитых, но если бы не они, то и зоопарк не был бы зоопарком, а мир – миром.

Они долгое время стоят перед огромным вольером, где замер белоголовый орлан; она внимательно смотрит на своего возлюбленного и говорит: «Это тоже нормально? птицы? Тут? Им летать-то негде!» И он отвечает: «Да, пожалуй, это то, с чем зоопарки не смогут справиться». И он принимается рассказывать историю (кажется, из повести Виталия Бианки) про беркута, который сумел прогрызть (то ли еще что-то сделал) свою клетку и выпорхнул на свободу – а потом принялся терроризировать местных жителей, потому что его пропитанием становились ни в чем не повинные кошки и собаки. Он бросался на них сверху вниз, камнем падал и выхватывал несчастных питомцев буквально из рук хозяев. Потом его поймали или убили, этого он не помнит.

В целом все хорошо, говорит она, нормальный зоопарк, да, правда нормальный, и берет его за руку. Ее черные волосы, худоба ему нравятся. И он ей тоже нравится, его легкость, которая есть в нем и которую никак не обрести ей самой, а потому она снова и снова ощущает себя то ли счастливой, то ли обездоленной. И это только начало игры, которая только закручивается, и она в руках этого наилегчайшего человека; или он в ее руках, но тут уже рассудит время и поступки.

СТАДИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ – так она это сама называла. Но нужна ли система там, где, скорее всего, не нужна? Она же, в конце концов, женщина, должна чувствовать сердцем и интуицией.

Гладко бывает только в теории, а реальная жизнь – это холмы, густые непроходимые леса да пустыни, в которых любое из животных только и ждет, когда пойдет дождь. В общем, все непросто.

Первая встреча – мы находим что-то, к чему тянемся, потому что в нас самих этого не хватает. Так и говорят: противоположности находят друг друга. Потому что если люди похожи, то рано или поздно они окажутся в тупике, поскольку, увлекшись светлой стороной человека, окажешься не готов к его темной стороне. В общем, первое свидание, попытки двух вселенных соприкоснуться друг с другом – что-то на границе ощущений и желаний.

Ожидание того момента, когда возлюбленный перестанет быть головоломкой, а станет листом бумаги и можно будет четко распределить все ясное и неясное, допустимое и нет.

(– Ты будешь моим листом бумаги? – спросила она его во время второй прогулки, вскоре после того похода в зоопарк. С таким выражением лица, будто просила написать большую книгу.

– Почему бы и нет, – ответил он.

Тоже осень, но – ранняя. Высохшие листья отрывались от веток деревьев, летели вниз, и земля становилась от листьев желтой, желтой с коричневым, иногда красной и иногда оранжевой. И синицы жались к окнам домов, потому что так они инстинктивно пытались найти приют, хоть что-то, что поможет пережить им зиму, о которой знают только одно – когда-то она обязательно начнется и в какой-то момент непременно закончится.

Ее возлюбленный полез в рюкзак, вырвал лист из блокнота и передал ей: вот, пиши когда захочешь.

Лишенная способности улыбаться, она взяла бумагу, покрутила перед собой и отдала обратно: «Это не то».)

Ожидание нельзя пропускать и нельзя торопить, но лучше бы его не было, потому что человек устроен следующим образом: на любую мысль о будущем он накладывает свои желания (это в лучшем случае) или страхи (что чаще всего). И тогда две вселенные (два мира, что пытаются соприкоснуться) окрашиваются каждая в свой цвет, и вместо реальности начинается получаться картина художника – красивая, яркая, но до настоящей и спокойной жизни ей далеко.

Стадии. Первой встречей и последующим ожиданием, разумеется, ничего не заканчивается. Вслед наступают либо умиротворение, либо нетерпение.

Он говорил ей красивые слова, и рождались они так легко, что казалось, сама Вселенная управляет им, а иногда – он ею.

Эти встречи и его монологи. Со стороны все походило на волшебный листопад, а она – на оставшуюся с лета траву, которую пожелтевшие листья непременно согреют. Однако искренние ухаживания были ей не по вкусу. Поэтому она и говорила ему: то, как ты ведешь себя, мне непривычно.

Ему тоже было в диковинку находиться рядом с женщиной, которая едва умеет говорить. Не в смысле плохо связывает слова, а сама суть ее молчалива. «Наверное, в нее влюблялись миллионы, – думал он. – Либо я первый такой дурак».

Она ощущала себя мягкой игрушкой, которая ничего не дает в ответ и у которой к тому же угрюмое выражение лица. И не разобраться, кто должен быть обижен – он, не получающий, что должен получать, или она, не умеющая ничего, что должна уметь любая женщина, когда в нее кто-то влюблен.

Поэтому на предложение жить вместе она только лишь пожала плечами, предоставив выбор ему. Тебе решать, ты же мужчина.

Нет бы отказаться: она же понимала, что не приспособлена и ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Но какая-то часть ее женского естества твердила: пусть попробует. У него же до этого все получалось?

А что получалось у нее? Ему-то было все равно, что она умеет, а чего нет, он был слишком уверен в своей удаче. И называл это доверием судьбе, хотя на самом деле к этому примешивались еще два качества: слепота и глухота.

Жизнь – это не снежная горка, с которой ты скатываешься и в конце говоришь: я все познал. Все немного сложнее. А его легкость... Она была, с одной стороны, притягательна (и давала умиротворение), а с другой – имелось в ней еще что-то, иная реальность, к которой таким, как она, лучше не подбираться.

Поэтому если с его появлением в ней и начали рождаться слова, то все они были как склизкие зародыши и даже произносить их было неприятно: я не твоя, я не смогу, в этом нет смысла, я не должна быть с тобой – и все в таком роде. Вот и получалось, что ее молчание

становилось еще упорнее, казалось, вокруг нее вырастали одна за другой новые стены, а он воспринимал это как загадочный внутренний мир, к которому получил доступ и, надо думать, разгадал ее сущность.

Но он ничего не разгадал. Просто решил быть спасителем, вбил себе это в голову, а сам даже не надел белый докторский халат.

ТЕРПЕНИЕ. Пятая стадия

Однажды они шли по заснеженной Москве – где-то в районе Бульварного кольца и Старого Арбата.

– Снег – самое интересное, что нас окружает, – сказал вдруг он.

Будучи моложе ее на пару лет, он не терял способности к поэзии, от которой по большому счету не было никакого практического толка. И духовного, если можно так сказать, тоже – просто были глубокие эстетические изыскания да похвала уму.

Она, как обычно, промолчала, а он через какое-то время продолжал:

– То, что создано быть водой, становится застывшей массой, которую можно пощупать и ощутить. Вот так природа делает нам подарки.

И он улыбнулся – то ли самому себе, то ли всему мирозданию разом. Потом посмотрел на нее, как бы ожидая реакции. Она же продолжала идти вперед.

Нет, безусловно, снег – это красиво, и по-своему, наверное, он прав: тут и подарки Вселенной, и ее милость к нам... Но это просто набор обстоятельств. Что-то, чему без необходимости не нужно придавать значения. Поэтому она ответила:

– Если бы мы жили на хуторе, а ты проснулся рано утром после метели и увидел, что все кругом заметено, то говорил бы иначе. И пошел бы за лопатой.

Ну вот, получилось, что упрекнула его. Но, как бы то ни было, Давид на какое-то время замолчал и посерьезнел.

А несколько позже, когда они уже, кажется, начали привыкать друг к другу, Давид принялся говорить: во мне хватит терпения, ты мне слишком дорога, чтобы обращать внимание на мелочи, мы же созданы друг для друга.

«Да с чего ты взял?!» – крикнула она ему однажды, когда обоим не хватало именно что терпения.

Он молча посмотрел на нее, блаженненькое выражение лица на какое-то время сменилось растерянностью, но потом к нему вернулись покой и уверенность в себе.

– Я просто знаю, – ответил он. Но подходить и обнимать не стал. И правильно сделал.

Когда люди начинают жить вместе по-настоящему, любые секреты должны исчезнуть. Каждый для другого становится открытой ладонью, на которой все черточки можно рассмотреть и безбоязненно дотронуться до любого пальца или подняться выше, к запястью. Но что делать, если один из них ничего о себе не знает, а другой знает слишком многое?

И что идет после «терпения»? Этого она не знала.

23:00

Алиса поднялась со скамейки.

– Вам нужны сигареты? – спросила она.

– Не откажусь, – ответил Александр Иванович и взял пару штук из протянутой пачки.

Жена будет недовольна. Он и так много курит, а если выяснится, что зависим до такой степени, что попрошайничает у девиц...

Но теперь у него есть две сигареты, а значит, еще полчаса или час он сможет провести на улице, не беспокоясь ни о чем. Возможно, даже сумеет как-нибудь развлечься, по-пенсио-

нерски – так он называл прогулки, во время которых сам поднимал себе настроение. Например, здоровался с воронами или галками и представлял, что птицы ему отвечают. Или говорил себе: у каждого трактора или бульдозера на улице (Боже мой!) добрая душа.

(«Наверное, я не совсем нормальный?» – спрашивал он у жены. На что она обнимала его и говорила, что он-то как раз самый нормальный. А может, и лучше всех, если способен радоваться миру, в котором многие из радости ничего не находят.)

Алиса двинулась по направлению к дому. Каким-то образом они с Александром Ивановичем поняли друг друга. Им предстоит еще раз встретиться, и тогда они поговорят более подробно и обстоятельно. И наверное, он точно ничего не будет рассказывать про своих учеников, а она, возможно, приоткроет завесу своей жизни чуть больше, чтобы он (кто знает?) смог ей помочь.

У подъезда ее ждал мужчина. И его она хорошо знала.

23:05

...и то, как Алиса появилась из тени сквера, показалось ему кадром из хорошего фильма. Он сыщик, а она – кто-то из подозреваемых. Забавно, что именно так все и было.

– Вам-то что от меня нужно? – спросила она и подошла почти вплотную.

Значит, не боится его. Или боится настолько, что пускает в свою природу частичку безрассудства, потому что сейчас между ними всего несколько сантиметров. Почти идеальное расстояние, чтобы почувствовать внутреннее состояние.

Но ничего, кроме «отсутствия», Тимофей не ощутил. Как и днем, на допросе.

Постояв несколько секунд вот так перед ним, она разворачивается и направляется к двери дома, нажимает кнопки на домофоне и, не оглядываясь, заходит внутрь.

И если бы на этом все закончилось! Но нет. Из сквера появляется еще один человек – тот самый мужчина, который сидел на скамейке рядом. Хорошо одетый, похожий на преподавателя ухоженный пенсионер. Тимофей таким никогда не будет. Он и сейчас-то выглядит старше своих лет, а когда останется без дела, то, наверное, и жизнь на этом закончится и не будет ему никакого дела ни до плащей, ни до выглаженных брюк.

– Что вы хотели от нее? – спросил пенсионер и подошел почти так же близко, как Алиса. Но все равно можно ощутить его внутренний ритм. Этот человек был раскрытой книгой, и «прочитать» его не нужно и минуты молчания. Искреннее, доброе сердце. А если у него и есть секреты, то только от самого себя. Неопытен в пустых вещах, но проникателен в том, что пролегает глубже суетливой жизни. Заботлив, иногда молчалив, а иногда многословен. Такие никогда не становятся преступниками, потому что в их природе живет истинное стремление к правде и желание ее сберечь.

Или попытки найти правду там, где ее и быть не может? Или стремление, чтобы ее обрели те, кто вокруг него?

Но вокруг него никого, кроме жены, – это хорошо чувствуется. И он тоже ничего не знает про Алису. Они едва знакомы. Просто добрый, благородный человек. Явно напуган, но напуган не так, как это происходит с обычными людьми: те просто боятся за свою жизнь, а этому страшно, что он упустит что-то из судьбы. Потому что она для него – святыня.

23:10

Тимофей вернулся к своей машине. Увидел, как в окне четвертого этажа зажегся свет. Яркие-зеленые шторы. Через десять минут свет потух.

Если Алиса сейчас выйдет на улицу снова, это многое объяснит. Наверное.

23:15

Пока он ждал, в его машине играло радио с классической музыкой. Фортепианный концерт Сергея Рахманинова № 3 в исполнении самого Рахманинова. Возможно, лучшее в мире музыкальное произведение. В те времена музыку записывали от руки, и на то, чтобы продумать ее, записать, переписать заново, издать, выучить, отрепетировать и исполнить, уходили месяцы. Сейчас ни у кого терпения на такое не хватит. Всем подавай «здесь» и «сейчас».

Тимофей наслаждался мелодией и атмосферой. Машина стала небольшим концертным залом и вообще перенеслась куда-то в прошлое – в Соединенные Штаты и 1936 год, именно там и тогда была сделана запись. Так что сидит он не в черном автомобиле Ford Focus, а в каком-нибудь Ford V-8 или какие там модели существовали в то время.

В конце концов Алиса действительно вернулась на улицу. И была одета совершенно по-иному.

23:30

Они оба следили, и в этом заключалась ирония – двое мужчин, которые равным счетом ничего не знают ни друг о друге, ни о женщине, которая идет перед ними.

Тимофей и Александр Иванович. Один следит за ней, другой следит и за ним, и за ней одновременно.

– Что же вам от нее нужно? – опять этот вопрос.

Один человек догнал другого. Тимофей в первый момент удивился и замешкался. Сейчас он упустит Алису, но, может быть, узнает что-то другое об этом старике.

– Меня зовут Александр Иванович, – сказал пожилой мужчина, – и я вижу, что вы преследуете эту женщину.

– Как и вы, – ответил Тимофей.

– Я пытаюсь оградить ее от неприятностей, – ответил старик и сам удивился чепухе, которую сказал. Надо же, привязался к какой-то девице, которая, похоже, не в себе и притягивает истории одну за другой!

– И я пытаюсь, – ответил Тимофей.

Алиса скрылась за поворотом. Играть в слежку больше не имело смысла.

– Вас разве не ждет дома жена? – спросил Тимофей, кивком указывая на обручальное кольцо Александра Ивановича.

– Я могу подолгу не приходить домой, она привыкла. Но всегда прихожу. Она знает, что, если меня нет дома, значит, это важно.

– Важно вам, – ответил Тимофей. – Что вы знаете про Алису? Вы с ней сидели на скамейке.

– Тогда должны были видеть, что мы ни о чем не говорили.

«Какой-то анекдот», – подумал Тимофей.

– Я могу прямо сейчас вас арестовать. Как соучастника преступления.

(Конечно же, не может.)

– Вот оно что... – протянул Александр Иванович. – Вы и есть тот самый следователь. Алиса мне сказала: все вопросы о ее жизни – это к вам. Но правда в том, что я встретил ее впервые. И все, что знаю: она переживает личную трагедию. А еще достаточно щедра, чтобы угостить старика сигаретой.

Любые обстоятельства можно перевести в свою пользу, однако для этого нужно хотя бы примерно представлять, в каком направлении все движется. А у Тимофея этого понимания и близко не было.

01:00

Александр Иванович оказался дома, как это часто бывает, далеко за полночь. Жена спала. Привыкла не волноваться за своего мужа, потому что доверяла ему и знала: ничего плохого с ним не случится. А если и случится, то так тому и быть. За сорок лет брака она научилась думать именно так и засыпать в одиночестве научилась тоже.

Когда щелкнул замок, она проснулась, но тут же снова уснула и не могла знать о том, что ее муж долгое время не мог заснуть. Обычно полуночные прогулки приносили ему покой и умиротворение, но сейчас было не так. Странная девица, а еще мужчина, который также в сыновья ему годится. И черт знает что между всеми ними!

Не может же он больше избегать этот сквер? Иначе встретит ее еще раз. Но раньше же не встречал! А может, и встречал, но не замечал, а теперь-то точно заметит. И сядет рядом. Или не сядет?

«Слишком много событий», – подумал он, ворочаясь в постели. А ведь казалось, что про жизнь он знает почти все. Бывает же...

Неожиданно пискнул телефон. Он забыл его выключить. Никогда раньше не забывал.

Александр Иванович протянул руку к мобильнику и увидел, что это уведомления от сервиса электронной почты.

Пользователь alisa5892fox прислал письмо.

Что за чертовщина!

Сообщение было коротким: «Рада нашему знакомству. Хочу вам показать кое-что. Давайте встретимся там же. Алиса».

Следующее утро

– Можно подумать, ты работал всю ночь, – сказала Варвара, всегда бодрая и немного уставшая одновременно, человек-загадка.

Они столкнулись перед входом в отдел полиции. На этот раз Варвара пришла на работу вместе со всеми – значит, провела ночь и утро дома.

– Правда работал? – спросила она.

Тимофей пожал плечами. Она лучше всех знала, что границы между работой и остальной жизнью он не видел или с какого-то момента перестал видеть. «Это путь в никуда», – предупреждала Варвара, хотя сама вела себя так же, а жертвой оказывался ее несчастный и нерешительный муж.

– Дело Алисы и Давида закрыто – вот что я хотела сказать. Нет улик. Ни прямых, ни косвенных. Записка ничего не решает. Мало ли, человек передумал.

– Передумал? Отличная формулировка.

– Не переживай. Есть ситуации, когда твои ощущения не могут повлиять даже на наши решения. Ты должен все отпустить. Никто не виновен.

– Ты сама-то в это веришь?

– Во что я верю, а во что нет, не так важно. Но я все равно провела работу относительно Алисы. Есть много любопытного.

Они пошли к нему в кабинет. Высокая Варвара, коренастый Тимофей.

От нее всегда исходила энергия, название которой он никак не мог подобрать. Энергичная? Нет. Бодрая? Все не то.

Вот и сейчас она сидит напротив него, а ему только и остается, что наблюдать, слушать и предполагать: каково это – иметь жену, целый день работающую в окружении мужчин и злодеев, место которым разве что за решеткой?

– На ее номер телефона и почтовые адреса, что нам известны, в социальных сетях не заведено ни одного аккаунта. Сервисы знакомств, профессиональные сайты для художников и дизайнеров – все это тоже можно отместить. В двух крупных интернет-магазинах Алиса делала заказы, но и там ничего примечательного – товары для жизни.

– Книг среди них нет?

– Книг нет. Но есть несколько блокнотов, которые, как я понимаю, были обнаружены при осмотре квартиры.

В блокнотах оказались рисунки погибшего.

– Распечатка телефонных звонков и сообщений. – Варвара протянула стопку листов А4. – Он звонил ей, она ему. Ни с кем больше за последние полгода она не говорила и не переписывалась. Но это не доказательство вины.

– А что с письмами?

– Еще сложнее. Это бесконечные сообщения самой себе. Как будто она вела таким образом дневник. Но и эта «переписка» прекратилась два месяца назад. В остальном же – информационные сообщения от сервисов каршеринга, ЖКХ и мало что значащие уведомления.

Тимофей задумался. Где граница между странностью и болезнью? Оставался вариант (и он был вероятен), что есть и другие почтовые ящики, о которых они просто не могут знать, поскольку те никак не «засвечены». В таком случае все эти письма самой себе представлялись совершенно в другом свете. И это не заметки нездоровой женщины, а попытка создать завесу, которая отгородила бы ее настоящую жизнь от посторонних взглядов.

«Паршивенький вечер. Мой Давид поначалу был любезен и мил. Но что сказать, когда нечего сказать? Поэтому молчу, а он обижается».

«Вспоминаю куропаток. Беркута, парящего над полем. Полевые цветы до пояса. И реку с водоворотами. Зяблик за окном выводит трели. Ты – где-то».

«Вот скажи мне, как так получается, что люди перестают понимать друг друга? Давид опять жалуется, что его кто-то там не ценит, а потом сердится, что я ничего не говорю в утешение. А я понять не могу: зачем нужны утешения, если знаешь себе цену? Он-то говорит, что цену себе знает. Тогда о чем речь? Опять нужно сочувствие? Но оно только топит другого. Мутная жижа, в которой пропадают силы, а горести набирают мощь. Скажи ему так, он бы ответил, что я жестокосердная».

«Что получаю я? Вопрос так вопрос. Странно, что я не ставила его вот так ребром раньше. Например, после того как переехала к нему жить. Вообще, это, наверное, его влияние: он как-то сказал, что задавать вопросы – слабая сторона человека. Что в своей погоне за ответами человек как бы пытается стать Богом. Это Вавилон, восклицал он».

«Но, милый мой Давид, как бы ты сам жил без вопросов? Вся твоя жизнь – это один сплошной вопрос: что я могу сделать? Для других, для нее (то есть меня), для нас двоих».

«Его пленяющий душу альтруизм. Светлая-пресветлая доброта. Но она нуждается в подпитке, а я – не чайник с кофе и не бутылка вина. Я – это я. Та, за которую он взял ответственность. И еще вопрос: отдавал ли он в этом отчет или так проявилась его очередная сверхидея: помочь мне?»

А если не помочь, то что? Каким образом он обозначал (или обозначает) наш союз?»

«Странности привлекают. В них могут мерещиться отблески глубины, а там, где глубина, глядишь, и истина найдется. Давид – человек без истины и глубины. Его работы, его тонкое чувство цвета (так говорят) – не стержень, а клеть. Мечтая быть царем, становишься рабом».

«Представляешь, я случайно испортила одно из его полотен. Споткнулась обо что-то и пролила чай с сахаром. Белое сразу перестало быть белым. Когда он это увидел, то растерялся, хотя и сделал все, чтобы не подать вида. Долю секунды играли желваки, а глаза стали чуть шире. Руки напряглись и плечи тоже. Потом он вздохнул. А затем надел на себя эту маску – всепонимающего и ВСЕПРОЩАЮЩЕГО человека. Даже сказал мне: ну вот, теперь

у тебя тоже есть своя «работа». Как будто я, как и он, творческая личность и вот, поди ж ты, разродилась шедевром. И знаешь что, Алиса? Через некоторое время он эту РАБОТУ запрятал куда-то на антресоли. Даром что не выбросил».

«Предложил жениться. Но опять самым немужским из возможных способов: «когда-нибудь». Мы лежим в кровати, он получил что хотел, и в нем проснулась какая-то новая форма нежности. Таким я его еще не видела – воздушный шар, который вот-вот поднимется к небу. «Хочу быть с тобой всю жизнь», – сказал он. Я даже перестала чувствовать его руку на своей груди. «Ты можешь стать моей женой? Подумай, пожалуйста. Тебя никто не торопит». (Господи, это «коммерческое предложение»?) Дело не в словах и формулировках, а в том, что говорил это нежный человек, а не нежный мужчина. Надо было сказать «нет». Или промолчать. Но я ответила: «Хорошо». Дав ему самым неженским из возможных способов согласие».

«Раздражает отсутствие у него раздражения».

«Алиса, сегодня я впервые «говорила». В течение нескольких минут пыталась объяснить ему, что все поступки, которые мы диктуем себе, конечны. Я сказала ему (а выглядело, что упрекнула): «Вот ты такой добрый, светлый и прекрасный. Ты не понимаешь, что это не ты?» Господи, как чудовищно и бредово все прозвучало, но я понятия не имею, как донести свою мысль. В итоге я так ее и не донесла, а он – рассердившись (!!!) – ушел на улицу и какое-то время провел в баре. А потом пришел и лег в постель.

Когда я говорю, что он рассердился, я не имею в виду, что он вышел из себя. Нет, он был внешне спокоен. Но, твою мать, я прекрасно понимаю, что сердце его бушевало и в душе он «возводил очи горé». Иначе бы не ушел. Ты скажешь, что не всякий подвижник рождается подвижником? А я отвечу тебе, что ни один подвижник не считает, что он подвижник.

А может, я все это себе надумываю?»

Вечером Тимофей решил прогуляться. Прогулки не относились к его секретам – просто про них мало кто знал. Иногда он садился в свой автомобиль и, если удавалось найти парковку, бродил по улицам внутри Садового кольца.

Любимых районов у него не было. Но на каких-то улицах – скажем, в районе Пречистенки и Остоженки – он бывал чаще, а в Замоскворечье реже.

Завидовал он людям? Вообще нет. А кому завидовать?

Влюбленным парочкам? Им еще только предстоят испытания в отношениях, и дальнейшее будет зависеть от того, в чем они (каждый для себя или на двоих) видят опору.

Заработавшимся мужчинам и женщинам? А чем он лучше них?

Тем, кому повезло жить в самом центре города? А повезло ли им? Если посмотреть на их напряженные лица и на то, с какой внутренней скованностью выходят они из своих дорогих домов и садятся в свои дорогие машины, то не так-то и хорошо им на этом свете. Неужели все дело в деньгах?

Тогда, может быть, праздным молодым людям, которым жизнь подарила беззаботность? Вот кто-то из них держит фотоаппарат в руках. Остановился, поднял камеру, покрутил на ней какие-то колесики и щелкнул затвором: судя по всему, ловил игру отражений в одной из витрин. Может быть, вот таким людям хорошо?

Но вся правда в том, что он, Тимофей, не верил в беззаботность. Что-то ему подсказывало, что за ней, как правило, скрывается либо слабость, либо страх, либо, откровенно говоря, тот тип эгоизма, который в конечном итоге не приведет ни к чему хорошему.

Значит ли это, что вся жизнь должна быть сплошным трудом? Вообще говоря, да.

Именно поэтому он всегда с опаской относился к тем, кто говорил о себе как о последователях, скажем, индийских религий. Все та же беззаботность. Поэтому он не особо удивился, когда однажды в отделе полиции напротив него оказался один из таких: в разноцветной одежде и с худым лицом. Но что удивительно – ничего в нем не говорило о покое. Взгляд, руки,

все тело как будто дрожали. Еще бы, его же обвинили в жестоком домашнем насилии. Позже выяснилось, что он какое-то время наблюдается у психиатра. Восточная мудрость в очередной раз не легла на наш менталитет. Стремясь вырваться из сковывающей сознание реальности, молодой человек угодил в куда более опасную для души пустоту. А место живой внутренней жизни быстро заняли силы, с которыми ни он, ни, наверное, кто-либо другой не смогли бы справиться.

Варвара однажды сказала, что из Тимофея получился бы неплохой проповедник. «Но для этого нужно начать говорить с людьми».

«Или во что-то верить», – добавил он про себя.

Возможно, именно недоверие делает современных людей такими беспокойными? Сложно быть спокойным, когда за внешними и мнимыми опорами нет никакого фундамента. Той же семьи.

Несколько раз Тимофей заходил в букинистические магазины с желанием найти Израиля Меттера – писателя, на котором, судя по всему, была помешана Варвара. «Его герои похожи на тебя, – сказала она однажды, – да и ты, будь советским писателем, писал бы так же. И когда наконец увидел эту синюю книгу, то некоторое время просто держал ее в руках. Издательство «Советский писатель», 1979 год, «Среди людей».

Связь времен – так об этом говорят? Какая-то вещица, которая переносит тебя в прошлое, потому что обладает внутренней мощью и отодвигает все настоящее на задний план.

Да, всего лишь книга – и настолько никому не нужная, что приобрести ее можно за 50 рублей. Но вообще-то он и сам Израиль (так говорит Варвара). Уже повод. Больше всего Тимофей Александрович боялся разочароваться. Но в итоге ушел с покупкой и весь вечер читал. И поражался, насколько удивительным может быть мир писателя и как точно он может переносить читателя в свою плоскость – слов и книжных страниц. А еще запах тлеющей бумаги.

Герои Меттера, оказывается, тоже были созданы из тишины. И неизбывной печали, которая свойственна, видимо, всему еврейскому народу.

Простые мужчины и простые женщины оборачивались на пожелтевших листах целыми планетами. Кружили по своим орбитам, жались к солнцу и в итоге пропадали – с окончанием каждого рассказа.

Особенно запомнилась ему одна история – про руководителя какой-то советской фабрики, который был (конечно же) печален и молчалив. В конце концов он перестал приходить на работу, а когда его нашли в глубокой депрессии дома, то обнаружили на столе листок со словами: «ХРИСТОС С ВАМИ».

Для обычного советского читателя это должно было означать, что руководитель фабрики сошел с ума. Но Тимофей Александрович понимал: Меттер имел в виду совсем другое, и восхитился тем, как можно придать вещам такие исключительные образы – для одних обманчивые, а для других удивительно яркие и спасительные.

Несколько сотен страниц, и половину из них он успел прочитать за ночь, пока не понял наконец, что наступило утро.

Алиса и Александр Иванович. Увидев его, она поднялась со скамейки.

– Хочу показать вам кое-то, – сказала она.

Ни «здравствуйте», ни «извините».

Ведьма-искусительница. А он ее сподвижник. Или просто – попавший под чары.

На улице было не так мрачно, как накануне, – целый день светило солнце. Возможно, солнечный свет накопился во всем вокруг и какое-то время еще будет незаметно сочиться из деревьев, каменных стен и листьев на земле.

Они шли минут десять, а потом поднялись по лестнице какого-то доходного дома.

Все в подъезде было обшарпанным, но благородным, подобно тому, как сохраняют свою стать некоторые вещи из прошлого. Конечно, что-то не вписывалось в антураж – например, клетчатая плитка на полу между этажами, ее наверняка положили позже, когда отвалилась та, что была сначала. Поэтому казалось, что дом неуклюже залатан.

Александр Иванович знал: такие подъезды очень любят показывать на фотографиях и приводить сюда экскурсии. Они кажутся ценными сами по себе, но, положив руку на сердце, в нем самом подобная старина не вызвала никакого благочестивого отклика. Но все равно красиво и очень тяжело для подъема: лифта нет, поэтому несколько пролетов они прошли пешком.

«Возможно, она захочет меня убить», – вдруг подумал Александр Иванович. Хотя с чего он вообще взял, что Алиса на такое способна? У нее кто-то умер, и за ней следит полицейский, но это еще ничего не доказывает. А вот то, что ждать от нее можно чего угодно, это да...

Комната оказалась рабочим помещением. Тут кто-то творил (она?). Все полотна были перевернуты, а какие-то спрятаны под покрывалом. Пара венских стульев – на одном сидел он, а у другого стояла она. В ее руках две картины (или фотографии?) – «лицом» к себе.

«Все это спектакль», – подумал Александр Иванович, а она актриса собственного театра. Либо сумасшедшая.

Немного подождав, Алиса повернула к нему оба полотна.

– Что вы о них скажете? – спросила она.

Простой вопрос, который требовал простого ответа. Некоторое время Александр Иванович смотрел на изображения, открывшиеся перед ним, а потом произнес:

– Они были написаны разными людьми. От картины слева исходит свет. А та, что справа, напоминает некое саморазрушение.

Алиса кивнула, словно в знак согласия.

– Однако написал их один человек, – сказала она.

Потом направилась к стене и принялась одну за другой переворачивать остальные работы. В ее действиях была система: Алиса шла от левой стены к правой, и в том, что открывалось его взору, тоже была система – погружение в безысходность.

«Ощущение, что человек погибал, – подумал Александр Иванович, – или запутался в жизни».

– Теперь вы видите? – воскликнула девушка, когда закончила переворачивать картины. – Видите?

Александр Иванович переводил взгляд с одной картины на другую. Страх не было. Скорее любопытство, а еще легкий дискомфорт оттого, что он оказался вовлечен в историю, к которой не имел никакого отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.